

МЕХАНИЗМЫ ОБРАЩЕНИЯ РЕСУРСНОЙ РЕНТЫ

И. Ю. Сольская, Д. А. Динец

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
18 ноября 2015 г.

Дата принятия к печати
25 февраля 2016 г.

Дата онлайн-размещения
29 апреля 2016 г.

Ключевые слова

Рента; инвестиции;
Фонд национального
благосостояния;
распределение;
финансовая политика

Аннотация

В статье представлен обзор подходов к описанию рентной финансовой политики в России и описаны основные ее характеристики. Элемент научной новизны состоит в том, что механизм управления рентой рассмотрен с позиции ее формирования, распределения и мультипликации. Выделены факторы, препятствующие построению эффективного института распределения ренты в России. Критически исследован процесс мультипликации инвестиций, финансируемых за счет нефтегазовых доходов бюджета. Предложен набор мер, позволяющих сократить непроизводительные изъятия ренты и направить процессы ее формирования и распределения на развитие потенциала инвестиционной активности российской экономики. Сделан вывод о том, что в настоящее время в стране отсутствует процесс формирования ренты в классическом смысле, поскольку он замещен спекулятивным перераспределением нефтегазовых доходов.

MECHANISMS FOR THE RESOURCE RENT DISTRIBUTION

Irina Yu. Solskaya, Darya A. Dinets

Irkutsk State Railway University, Irkutsk, Russian Federation

Article info

Received
November 18, 2015

Accepted
February 25, 2016

Available online
April 29, 2016

Keywords

Rent; investment; National
Welfare Fund; distribution;
financial policy

Abstract

This paper presents a survey of the existing approaches to the description of the Russia's rental financial policy and outlines its basic characteristics. We consider the rent management mechanism in terms of its formation, distribution and multiplication and highlight factors impeding creation of the efficient rent distribution in Russia. We have investigated the process of the investment multiplications funded by the oil and gas revenues and proposed a set of measures to reduce non-productive rental withdrawals, so that the rent formation and distribution would contribute to development of the investment activity in the Russian economy. The current research concluded that at the present time Russia does not possess a classic rent formation because the latter one has been replaced by the speculative redistribution of the oil and gas revenues.

Все чаще в литературе встречается термин «рентная финансовая политика государства». Для российской экономики это явление общественной жизни крайне важно, поскольку целесообразность любого инвестиционного решения оценивается на основании влияния его результатов на возможности присвоения и распределения ренты. С другой стороны, превалирующим источником финансирования инвестиций в российскую экономику являются средства, представляющие собой результат перераспределения ренты (квазиренты).

Направление ренты через мультипликативный механизм «просачивания» инвестиций в соответствии с терминологией Международного валютного фонда является инструментом стимулирования инвестиционной активности частного сектора [1]. Однако фактическое положение дел свидетельствует о том, что экономические и финансовые отношения, возникающие по поводу управления рентой, не подчиняются экономическим закономерностям ее формирования и использования: дифференциальная рента второго

порядка возникает не в результате большей производительности, а в результате наличия институциональных преференций — появляется так называемая «политическая рента».

Оксфордский сборник, посвященный российской экономике, трактует российскую рентную политику как противоречащую построению демократических институтов, называя рентную политику основой легитимности российских властей [2]. Аналогично в работе М. Ю. Малкиной и ее соавторов рассмотрены основы рентной политики государства и сделан вывод о том, что существующий институт распределения природной ренты не позволяет экономике развиваться: «Природные богатства России естественным образом формируют среду, в которой более эффективными становятся институты присвоения природной ренты, а не институты создания добавленной стоимости. Если Россия не будет управлять своей институциональной средой, то она обречена на присваивающий характер хозяйствования» [3].

В цитируемой работе представлена следующая структура ренты:

1. Естественная часть, которая должна принадлежать государству.
2. Технологическая часть, которая присваивается предпринимателем.
3. Институциональная часть, которая управляется лоббистами и инсайдерами.
4. Валютная часть, формируемая на основе паритета покупательной способности.
5. Ценовая часть.

Последние два элемента носят характер рыночных и предполагается, что в качестве сверхприбыли они должны поступать в суверенные фонды государства для финансирования инвестиций в «нерентные» отрасли, а также для накопления ресурсов в пользу будущих поколений [Там же].

К. Гэдди и Б. Икес предлагают альтернативный подход к определению структуры ресурсной ренты: «Рента — результат вычитания из выручки от продажи ресурса стоимости его добычи, или выручка минус экономические издержки (с учетом избыточной стоимости добычи или потери от использования нерыночных цен)» [2].

Рента, по их мнению, распределяется на следующие основные части:

- избыточная стоимость добычи;
- ценовые субсидии, формальные и неформальные налоги;
- прибыль после налогообложения [Там же].

Данная концепция отличается от остальных тем, что объясняет специфику россий-

ской ренты как инструмента воспроизводства в неэффективных отраслях путем мультипликации убытков через затратный механизм: «Избыточные затраты являются конечной формой скрытой ренты — они направляются на поддержание неконкурентоспособных секторов вместо прямого субсидирования. Они поддерживают видимость деятельности по созданию стоимости, тогда как в действительности имеет место лишь вычитание стоимости» [Там же], т. е. инфрамаргинальная рента распределяется посредством затратного механизма между всеми отраслями, неконкурентными без косвенного субсидирования их неэффективности: «Ресурсные компании или ключевые посредники, такие как РЖД или российские производители электроэнергии вынужденно заключают контракты на товары и услуги с неконкурентоспособными российскими промышленными предприятиями (в случае заключения контрактов с российскими электроэнергетическими компаниями посредники служат конвейером для передачи ренты от нефтегазовых компаний неконкурентным российским предприятиям)» [Там же]. Данная схема распределения ренты предполагает уничтожение конкуренции в нерентных отраслях, обслуживающих рентные отрасли, а также в невозможности поиска более эффективных способов производства в силу необходимости поддержания убыточных производителей.

Рассмотрим приведенные в литературе механизмы распределения ренты:

1. В упомянутой работе М. Ю. Малкиной перераспределение ренты осуществляется с помощью следующих основных инструментов:

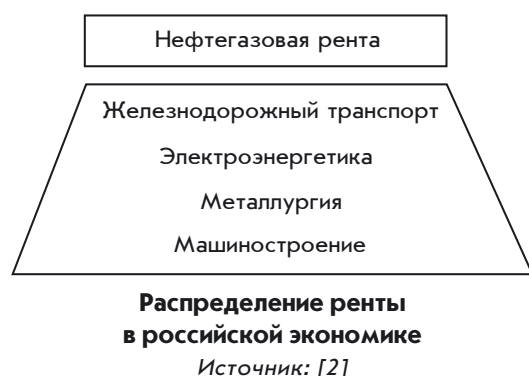
- создание затратных структур;
- трансфертное ценообразование;
- зарплатный механизм — несоответствие уровня выплат уровню производительности труда, ситуация, при которой вознаграждения топ-менеджерам не соответствуют их вкладу в рост эффективности;
- социальные расходы;
- перекрестное субсидирование.

Перечисленные способы препятствуют выполнению социальных функций государства за счет оперирования рентными доходами.

2. В работе Р. Г. Хабибуллина описана инфляционная природа процесса распределения ренты: «Инфляция провоцируется тем, что при финансировании, возникновении и попадании дифференциальной ренты в руки предпринимателей появляется ничем не оправданное стоимостное “вздутие”, которое немедленно

оказывается предметом межотраслевого перераспределения посредством инфляционного механизма по закону средней нормы прибыли» [4]. Механизм состоит в следующем: в результате образования дифференциальной ренты на основе ценообразования на уровне предельных издержек по отрасли, внутренние цены начинают расти. Далее в силу действия закона средней нормы прибыли возникает инфляционный рост цен в нерентных отраслях, в результате чего возрастает стоимость факторов производства, а следовательно, и предельные отраслевые издержки. Этот механизм приводит к самовоспроизводимому росту дифференциальной ренты и сопровождающих ее инфляционных процессов. За счет ценового механизма происходит межотраслевое распределение ренты. Эта тенденция усугубляется неравномерностью распределения спроса среди получателей рентных доходов и получателей трудовых доходов — изменяются относительные цены между рентными и нерентными отраслями [Там же].

3. В неоднократно цитируемом здесь Оксфордском сборнике механизм распределения ренты представлен «перевернутой воронкой» (рис.).

В данной системе рента распределяется в форме избыточных затрат на добычу через цепи производства и поставок [2]. Рентные отрасли вынуждены оплачивать услуги неэффективных сервисных организаций, которые создают инфраструктуру для производства металлургической продукции, необходимой для машиностроительной отрасли, которая, в свою очередь, поставляет факторы производства для рентных отраслей. В результате возникает замкнутый круг распределения ренты через затратный механизм.

Таким образом, выявлены инфляционный, затратный и трансакционный механизмы распределения ренты. Представляется, что они существуют в тесном переплетении друг с другом, создавая совершенно непро-

зрачный процесс формирования и распределения ренты.

В силу невозможности государственного регулирования перечисленных процессов власти зачастую прибегают к прямой национализации активов взамен регулирования рентных отношений [Там же].

В соответствии с изложенными теориями распределения ренты в литературе приводятся и способы управления рентными отношениями. Представляется, что основной механизм повышения эффективности распределения ренты должен состоять в возможности установления конкуренции в нерентных отраслях, обслуживающих рентные. Если будет воспроизводиться сверхзатратная схема распределения ренты между неконкурентными отраслями по принципу перевернутой воронки, то невозможно ожидать качественного экономического роста, основанного на максимизации добавленной стоимости [Там же].

Более того, необходимо внедрение системы уплаты роялти за ведение добычи с целью повышения коэффициентов извлечения нефти. Такая ситуация позволит формировать дифференцированную ренту по принципу большей эффективности производства, а не по принципу лучших условий функционирования. Помимо прочего, Р. Г. Хабибуллиным предлагается ввести систему компенсации неравных условий в рентных отраслях вместо существующей системы субсидирования убыточных и неконкурентоспособных участников процесса, а также установить прогрессивную шкалу поимущественного и подоходного налогообложения для выравнивания уровня рентных доходов всех членов общества. Такое распределение ренты позволит формировать фонды развития будущих поколений.

В монографии М. Ю. Малкиной предложен набор факторов, повышающих инновационность процесса производства, переработки и транспортировки продукции нефтегазовой промышленности:

1. Развитие мини-переработки нефти.

2. Трансфер современных технологий из западных стран. Использование английской модели — привлечение в нефтяной сектор страны ведущих компаний мира со своими технологиями, сервисными и наукоемкими центрами исследований и разработок, направленное на увеличение нефтеотдачи и более глубокое извлечение нефти из скважин; повышение эффективности работ по разведке новых месторождений; обеспечение экологической безопасности.

3. Целенаправленное, подконтрольное государству формирование условий для становления национальных наукоемких сервисных компаний и системы научно-технологических центров (норвежская модель развития).

4. Более глубокая переработка нефти и газа, развитие нефте- и газохимии позволяют увеличить добавленную стоимость, лучше освоить природную ренту.

5. Повышение производительности труда [3].

На наш взгляд, формирование, распределение и перераспределение ренты не может быть эффективным до тех пор, пока реализуются затратные и инфляционные механизмы мультипликации убыточных инвестиций. Нефтегазовый сектор, будучи системообразующим в российской экономике, приводит в действие как вертикальный, так и горизонтальный мультипликатор инвестиций, но в то время, как российская промышленность является неконкурентоспособной по мировым ценам, ее развитию может поспособствовать только валютная и спекулятивная составляющие ренты. Разумеется, такая модель является небезопасной для российской промышленности [1].

Развитие промышленности должно осуществляться на основе развитого института защиты прав собственности и на началах привлечения финансовых капиталов на фондовом рынке. Такая ситуация позволит сократить цепочки распределения стоимости, что приведет к сокращению потерь ренты. Последняя же должна формироваться исключительно исходя из уровня эффективности ведения добычи с возможными условными компенсациями за неравные условия ведения разведки и добычи.

Любое из рассмотренных мероприятий основывается на одном исходном условии — цепочки распределения ренты (в отличие от добавленной стоимости) должны быть короткими, прямыми и не иметь «кольцевой» структуры перераспределения, в противном случае неэффективность будет постоянно воспроизводиться, причем в расширенных масштабах.

Кроме цепочек распределения ренты необходимым условием роста эффективности ее использования является финансовый механизм мультипликации. Согласно политике Вашингтонского консенсуса, необходимо использовать упомянутый в начале статьи механизм «просачивания» ренты к наименее обеспеченным слоям населения и менее процветающим компаниям посредством фондового механизма через максимальную

либерализацию рынков капитала [1]. В альтернативной кейнсианской модели мультипликация должна осуществляться через механизм государственных расходов в отрасли с наибольшим мультипликативным эффектом, с тем, чтобы даже небольшие инвестиции могли оказывать рычаговое воздействие на экономический рост (восточная модель экономического роста) [5]. Российская экономика выбрала некий промежуточный путь, взяв на себя субсидирование инвестиционной программы, состоящей, в основном, из некупаемых инфраструктурных проектов [6]. Предполагается, что социально-экономический эффект от таких проектов в состоянии компенсировать прямые убытки и инфляционные последствия подобных вложений, однако рассмотрение истории финансовых кризисов позволяет усомниться в корректности проводимой политики [7; 8].

Обратим внимание на механизмы формирования, распределения и мультипликации природной ренты в российской экономике:

1. Формирование российской нефтегазовой ренты. Во-первых, следует отметить, что в экономической системе страны на сегодняшний день нет места дифференциальной ренте. То, что принято считать рентой, зависит не от эффективности использования недр, а от уровня монетизации процесса добычи и от административного ресурса. По данным исследований журнала «Forbes», средний коэффициент извлечения нефти не превышает 35 %, т. е. борьба за эффективность не ведется в принципе. Возможность локализации добычи на новых месторождениях определяет возможность получения сверхдоходов. Второй из возможных источников получения ренты — это ее валютная составляющая. При переоцененном до прошлого года рубле разница валютных курсов позволяла сырьевым компаниям капитализировать покупательную способность за рубежом, а при нынешнем курсе доллара компании экспортеры ресурсов способны не сокращать спрос на внутреннем рынке, т. е. искусственно поддерживать завышенную по сравнению с другими секторами покупательную способность, однако данный процесс не имеет никакого отношения к дифференциальной ренте и носит исключительно спекулятивный характер в масштабах страны. Третий элемент, позволяющий присваивать часть национального дохода, но не имеющий отношения к ренте — это система налогов и сборов с добычи и продажи (экспорта) полезных ископаемых. До тех пор, пока ставки налогов останутся в зависимости от курса

рубля и стоимости барреля на внешнем рынке, о формировании ренты не может идти речи. Только пропорциональные адвалорные ставки и система роялти позволят говорить о реальной возможности получения ренты из-за большей или меньшей эффективности ведения добычи [2]. Именно в этом случае государство сможет на конкурсной основе выбирать более эффективные компании для ведения добычи, и только в таком случае может установиться справедливое распределение природной ренты между государством и частным сектором.

2. Распределение рентных доходов. Как правило, рентные доходы делятся на две части: накопления и инвестиции [5]. Доходы, относящиеся в России к нефтегазовой ренте, имеют следующие особенности: часть, которая идет на формирование накоплений, распределяется частично за счет использования кольцевых структур. При этом конечными бенефициарами становятся лица, получающие административную ренту, которая частично размещается в консервативные инструменты, имеющие на западных рынках высокие инвестиционные рейтинги, и зачастую этим рейтингам совершенно не соответствующие (например, облигации Федеральной корпорации ипотечного кредитования «Fannie Mae») [9; 10]. В результате нет оснований полагать, что накопления для будущих поколений не подвержены риску и высокой российской инфляции. Та часть, которая инвестируется в развитие национальной экономики, используется для финансирования крупных проектов, чаще всего, инфраструктурных, имеющих очень долгий и сомнительный срок окупаемости. Как представляется, такое инвестирование приводит к «надуванию пузырей» на рынках строительства и производству капитальных активов из-за их избыточной монетизации и надувания спекулятивных пузырей [9]. Последнее обстоятельство удлиняет цепочки распределения нефтегазовых доходов, снижая их позитивный мультипликативный эффект [Там же].

3. Мультипликация инвестиций, финансируемых за счет нефтегазовых доходов, происходит, как правило, через затратный механизм, что приводит к поглощению этих доходов неэффективностью производственного процесса как поставщиков факторов производства для реализации инфраструктурных проектов, так и пользователей результатов реализации этих проектов.

Рассмотрим проекты, которые, по данным официального сайта Министерства эко-

номического развития РФ¹, финансируются за счет средств Фонда национального благосостояния. Даже беглый взгляд на представленные сведения (табл.) позволяет сделать вывод о том, что поступающие средства инвестируются не в те отрасли, которые способны обеспечить мультипликацию инвестиций, поскольку доля инвестиций в основные фонды и большинства отраслей (поставщиков факторов производства для реализации указанных проектов) не превышает 1 %. И лишь два проекта способны генерировать процесс мультипликации инвестиций (см. табл., стр. 6, 11), причем суммарная величина инвестиций для этих проектов не превышает 10 % от всей инвестиционной программы. Такая структура инвестиционной программы не позволяет в полной мере использовать мультипликативный эффект от инвестиций в инфраструктуру.

Инфраструктурный проект в России, имеющий социальную значимость, — это прямо или косвенно объект тарифного регулирования. Таким образом, механизм мультипликации не может оказаться работоспособным: происходит финансирование избыточных затрат производителей факторов производства. Последних высокие временные издержки толкают на поиск способов повышения экономической прибыли, что, в конечном счете, приводит к росту их спроса на рынке девелопмента [10–12]. Далее следует надувание спекулятивного пузыря на рынке строительства, что сопровождается выводом капитала из страны. Никакого «просачивания» инвестиций в результате не происходит [5]. По мере прохождения фактических работ над инфраструктурным проектом далее в силу вступает тарифный механизм стерилизации денежной массы, которой нет у потенциальных пользователей результатов проекта, поскольку она аккумулирована в спекулятивном пузыре на рынке недвижимости, либо инвестирована за рубежом. В итоге фактически стерилизуется денежная масса, не введенная в экономику данным проектом, а ранее обращавшаяся в экономике, опять же, через затратный механизм и рост цен на рынках недвижимости. В конечном счете реализация таких проектов при существующей системе не только не приводит к мультипликации инвестиций, но и ведет к сокращению ресурсной базы тех компаний и секторов, для развития которых был предназначен инфраструктурный проект [1].

¹ URL : <http://economy.gov.ru/minec/main>.

Проекты, финансируемые за счет средств Фонда национального благосостояния

№ п/п	Инвестиционный проект	Собственные источники финансирования, млрд р.	Заемные источники финансирования, млрд р.	Средства Фонда национального благосостояния, млрд р.	Ключевой поставщик факторов производства (отрасль)	Доля инвестиций в основной капитал в добавленной стоимости отрасли-поставщика, %	Удельный вес проекта в программе	Удельный вес средств фонда от общей суммы по программе
1	Строительство железной дороги Элегест — Кызыл-Курагино и угольного портового терминала на Дальнем Востоке в увязке с освоением минерально-сырьевой базы в Республике Тыва	54,3	76,0	86,86	Металлургия	0,40	0,08	0,105
2	Строительство «интеллектуальных сетей»	0,4	0,8	1,1	Связь	0,30	0,000 850 3	0,001 340 4
3	Ликвидация цифрового неравенства в малонаселенных пунктах России	4,0	30,4	27,0	Связь	34,48	0,022 5	0,032 9
4	Строительство комплекса по добыче и подготовке газа, завода сжиженного природного газа и мощностей по отгрузке сжиженного природного газа и газового конденсата Южно-Тамбейского газоконденсатного месторождения на полуострове Ямал	Отсутствует	717,2	150,0	Машиностроение	0,30	0,320 5	0,182 7
5	Развитие железнодорожной инфраструктуры Восточной части Байкало-Амурской магистрали	29,1	Отсутствует	13,2	Металлургия	0,40	0,015 6	0,016 1
6	Приобретение тягового подвижного состава	143,4	Отсутствует	60,2	Строительство подвижного состава	58,20	0,075 2	0,073 3
7	Развитие железнодорожной инфраструктуры на подходах к портам Северо-Запада России	452,6	Отсутствует	22,0	Машиностроение	0,30	0,17 5	0,026 8
8	Развитие железнодорожной инфраструктуры на подходах к портам Азово-Черноморского бассейна	69,3	Отсутствует	10,3	Машиностроение	0,30	0,029 4	0,0125
9	Модернизация железнодорожной инфраструктуры Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей с развитием пропускных и провозных способностей	261,1	41,1	150,0	Машиностроение	0,30	0,167 1	0,183
10	Строительство атомной электростанции «Ханхикиви-1» в Финляндии	—	—	Эквивалент 2,4 млрд евро, но не более 150 млрд р.	Машиностроение	0,30	0,055 4	0,182 78
11	Центральная кольцевая автомобильная дорога (Московская область)	Не применимо	5,195	До 150,0	Дорожная	13,0	0,057	0,182 7

Перечисленные пункты, характеризующие формирование, использование и перераспределение того, что называется ресурсной рентой, являются системой ее вывода из производительных секторов экономики. Представляется, что для устранения этой системы должны быть предприняты следующие шаги:

1. Формирование условий (прежде всего, институциональных) для возможности реального получения дифференциальной ренты [7]. Для этого необходимо установление жесткого государственного контроля за распределением прав на добычу по принципу максимизации эффективности и роста коэффициента извлечения нефти.

2. Только истинную дифференциальную ренту необходимо направлять на финансирование инфраструктурных проектов на началах государственно-частного партнерства.

3. Любые иные доходы, полученные от добычи и реализации полезных ископаемых, будь то валютная или рыночная часть, могут инвестироваться исключительно в проекты капитальных активов, имеющие доказанную эффективность и направленные на сокращение уровня вмененных издержек [13], так как только инвестиции в рост эффективности имеют положительный мультипликативный эффект и могут повлиять на снижение ресурсной зависимости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Родрик Д. Парадокс глобализации: демократия и будущее мировой экономики / Д. Родрик ; пер. с англ. Н. Эндельмана ; под науч. ред. А. Смирнова. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. — 576 с.
2. Экономика России. Оксфордский сборник : в 2 кн. / под ред. М. Алексеева, Ш. Вебера. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. — Кн. 1. — 776 с.
3. Экономическая политика в современной России: теоретические основы и проблемы эффективной реализации : монография / под общ. ред. М. Ю. Малкиной. — Н. Новгород : Науч.-исслед. социол. центр, 2012. — 249 с.
4. Хабибуллин Р. Г. Рентная концепция инфляции и ее регулирование / Р. Г. Хабибуллин // Экономические науки. — 2007. — № 7. — С. 90–94.
5. Маневич В. Е. Кейнсианская теория и российская экономика / В. Е. Маневич. — М. : Ленанд, 2015. — 224 с.
6. Шарма Р. Прорывные экономики. В поисках следующего экономического чуда / Ручир Шарма ; пер. с англ. О. Медведь. — М. : Манн, Иванов, Фербер, 2013. — 352 с.
7. Шиллер Р. Иррациональный оптимизм / Р. Шиллер. — М. : Альпина-Паблишер, 2013. — 420 с.
8. Киндлбергер Ч. Мировые финансовые кризисы. Мании, паники и крахи / Чарльз Киндлбергер, Роберт Алибер. — СПб. : Питер, 2010. — 544 с.
9. Динец Д. А. Экономическая безопасность финансовой и денежно-кредитной политики РФ / Д. А. Динец, Г. В. Заорский. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та путей сообщения, 2015. — 184 с.
10. Стиглиц Дж. Ю. Доклад о реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса / Дж. Ю. Стиглиц ; пер. с англ. Ю. М. Юмашева. — М. : Междунар. отношения, 2012. — 328 с.
11. Гринспен А. Карта и территория: Риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования / А. Гринспен. — М. : Альпина Паблишер, 2015. — 412 с.
12. Стиглиц Дж. Ю. Глобализация: тревожные тенденции / Дж. Ю. Стиглиц ; пер. с англ. Г. Г. Пирогова. — М. : Нац. обществ.-науч. фонд, 2003. — 304 с.
13. Скидельски Р. Кейнс. Возвращение Мастера / Роберт Скидельски ; пер. с англ. О. Левченко. — М. : Юнайтед Пресс, 2011. — 256 с.

REFERENCES

1. Rodrik D. *The Globalization Paradox: democracy and the future of the world economy*. New York, London, W. W. Norton, 2011. 368 p. (Russ. ed.: Rodrik D.; Endel'man N., Smirnov A. (eds). *Paradoks globalizatsii: demokratiya i budushchee mirovoi ekonomiki*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2014. 576 p.).
2. Alekseev M., Veber Sh. (eds). *Ekonomika Rossii. Oksfordskii sbornik* [The Oxford Handbook of the Russian Economy]. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2015. 776 p.
3. Malkina M. Yu. (ed.). *Ekonomicheskaya politika v sovremennoi Rossii: teoreticheskie osnovy i problemy effektivnoi realizatsii* [Economic policy in modern Russia: theoretical foundations and issues of the effective implementation]. Nizhnii Novgorod, Sociological Research Center Publ., 2012. 249 p.
4. Khabibullin R. G. The inflation rent concept and its regulation. *Ekonomicheskie nauki = Economic Sciences*, 2007, no. 7, pp. 90–94. (In Russian).
5. Manevich V. E. *Keinsianskaya teoriya i rossiiskaya ekonomika* [Keynesian theory and Russian economy]. Moscow, LENAND Publ., 2015. 224 p.
6. Sharma Ruchir. *Breakout Nations in pursuit, of the next economic miracles*. New York, W. W. Norton & Company, 2012. 335 p. (Russ. ed.: Sharma Ruchir, Medved' O. (ed.). *Proryvnye ekonomiki. V poiskakh sleduyushchego ekonomicheskogo chuda*. Moscow, Mann, Ivanov, Ferber Publ., 2013. 352 p.).
7. Shiller Robert. *Irrational Exuberance*. 3rd ed. New York, Princeton University Press, 2000. 312 p. (Russ. ed.: Shiller R. *Irratsional'nyi optimizm*. Moscow, Alpina Publisher, 2013. 420 p.).
8. Kindleberger Charles P., Aliber Robert Z. *Manias, panics and crashes: a history of financial crises*. 5th ed. Hoboken, New Jersey, John Wiley & Sons, Inc., 2005. 340 p. (Russ. ed.: Kindleberger Charles, Aliber Robert. *Mirovyie finansovye krizisy. Manii, paniki i krakhi*. Saint Petersburg, Piter Publ., 2010. 544 p.).

9. Dinets D. A., Zaorskii G. V. *Ekonomicheskaya bezopasnost' finansovoi i denezhno-kreditnoi politiki RF* [Economic security of the Russian financial and monetary policies]. Irkutsk State Transport University Publ., 2015. 184 p.

10. Stiglitz Joseph E. *The Stiglitz report. Reforming the international monetary and financial systems in the wake of Global Crisis*. 2012. 328 p. (Russ. ed.: Stiglitz Joseph, Yumashev Yu. M. (ed.). *Doklad o reforme mezhdunarodnoi valyutno-finansovoi sistemy: uroki global'nogo krizisa*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2012. 328 p.).

11. Greenspan Alan. *The map and the territory risk, human nature, and the future of forecasting*. London, Allen Lane, 2013. 400 p. (Russ. ed.: Greenspan Alan. *Karta i territoriya: Risk, chelovecheskaya priroda i problemy prognozirovaniya*. Moscow, Al'pina Publisher, 2015. 412 p.).

12. Stiglitz Joseph E. *Globalization and its Discontents*. New York, London, W.W. Norton & Company, 2002. (Russ. ed.: Stiglitz Joseph, Pirogov G. G. (ed.). *Globalizatsiya: trevozhnye tendentsii*. Moscow, National Public Research Foundation Publ., 2003. 304 p.).

13. Skidelsky Robert. *Keynes: The Return of the Master*. London, Allen Lane (UK), Cambridge, MA, PublicAffairs (US), 2009. 240 p. (Russ. ed.: Skidelsky Robert., Levchenko O. (ed.). *Keins. Vozvrashchenie Mastera*. Moscow, Yunaited Press, 2011. 256 p.).

Информация об авторах

Сольская Ирина Юрьевна — доктор экономических наук, профессор, проректор по международным отношениям и дополнительному профобразованию, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, e-mail: irina_solskaya@mail.ru.

Динец Дарья Александровна — кандидат экономических наук, доцент, докторант, кафедра финансов и бухгалтерского учета, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, e-mail: lfif1113@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Сольская И. Ю. Механизмы обращения ресурсной ренты / И. Ю. Сольская, Д. А. Динец // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2016. — Т. 26, № 2. — С. 242–249. — DOI: 10.17150/1993-3541.2016.26(2).242-249.

Authors

Irina Yu. Solskaya — PhD in Economics, Professor, Vice-Rector for International Cooperation and Further Education, Irkutsk State Railway University, 15 Chernishevsky St., 664074, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: irina_solskaya@mail.ru.

Darya A. Dinets — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Finance and Accounting, Irkutsk State Railway University, 15 Chernishevsky St., 664074, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: lfif1113@mail.ru.

Reference to article

Solskaya I. Yu., Dinets D. A. Mechanisms of resource rents circulation. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii* = *Bulletin of Irkutsk State Economics Academy*, 2016, vol. 26, no. 2, pp. 242–249. DOI: 10.17150/1993-3541.2016.26(2).242-249. (In Russian).